

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ, СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ

Л.К. Нагорная, А.О. Кураптев

Приобретение Россией статуса суверенного государства после распада Советского Союза обозначило начало нового этапа российской истории. Изменения, происшедшие в течение «переходного периода», обусловили ряд проблем, нуждающихся в последовательном разрешении. В самом общем виде их можно объединить в блоки: национальный вопрос, экономический кризис, внутривнутриполитический кризис, геополитические проблемы и т.д. Все эти проблемы, вставшие перед российским обществом, на наш взгляд, имеют общие истоки в кризисе национальной идеологии и духовности, в потере российским обществом (как целостной социальной системой) традиционных ценностных ориентиров и общенациональных целей. Между тем развитие общества невозможно без согласия по общим целям. И эти цели не только материальные. Не менее важные — духовные и нравственные цели.

Само понятие «либерализм» в начале реформ было знаком отрицания авторитаризма и тоталитарного общественного порядка. Либеральная демократия мыслилась в первую очередь как набор определенных условий общественной жизни, в частности, позволяющих придерживаться предпочитаемых, а не навязываемых кем-то позиций и точек зрения, развивать предпочитаемые, а не заданные правилами чужой игры тактики деятельности. Соответственным предполагалось и устройство государственных институтов — как небюрократических, ненасильственных, не давящих на человека. Это понимание либерализма как пространства социальной и политической свободы было (явно или неявно) доминирующим и для самих идеологов российских реформ как конца 80-х, так и начала 90-х гг.

Либерализация ассоциировалась с понятием свободы, с освобождением от авторитарной системы. Именно либерализация привела к тому, что государство конституционно закрепило свободу слова, печати, объединений, передвижения, вероисповедания, частной деятельности, в том числе

коммерческой. В последних двух советских конституциях эти свободы декларировались, были отменены запреты, подавлявшие эти свободы. Однако не подкрепленная проектом политико-правовой реорганизации общества либерализация оказалась «освобождением» от порядка вообще. Учитывая давние российские традиции понимания свободы как независимости и воли, свободы для себя и без обязательности по отношению к другим, можно понять неизбежность негативных последствий демократизации (главным образом либерализации), которые наступили в постсоветской России.

Россия постперестроечной эпохи в целом оказалась не подготовленной к либерально-демократическим реформам. Переход от тоталитаризма к демократии — это смена социально-репрессивных форм контроля за человеком формами правовыми (а это один из критериев либерализации общества). Здесь возникла сложнейшая в психологическом смысле ситуация, когда ослабление давления было воспринято как допущение автономии человека и признание за ним права на свободный выбор безотносительно к общественным установлениям и законодательству. В то же время ослабление давления на человека, имеющего опыт жизни только в тоталитарном обществе, как правило, осознается им как снятие с него извне налагаемых обязательств, а значит, обязательств вообще и, стало быть, — освобождение от ответственности. Усиливающееся же на этой почве падение социальной дисциплины, порой переходящее в беспорядок, и сопутствующее этому прогрессирующее бесправие простого человека консервативное сознание напрямую увязывает именно с социальными изменениями, происшедшими под лозунгом либерализации, а не с тем, какие социально-политические образцы в ней воплотились и как эти социальные изменения были проведены. Растущей угрозе анархии консервативное сознание противопоставляет порядок, но порядок как отрицание либеральных принципов.

ПОЛЗУНОВСКИЙ ВЕСТНИК №3 2006

Социологи отмечают интересный факт: на третьем-четвертом году реформ либеральная идея не встретила поддержки ни в одной из групп населения России. Неприятие демократии как формы социально-политического устройства накладывается на общераспространенное в постсоветском общественном мнении представление о том, что западные либеральные ценности в целом не совместимы с российскими традициями, тем более что влияние этого представления имеет тенденцию к усилению.

И сегодня многие связывают низкую эффективность решения многих проблем с либеральной составляющей реформ. Можно констатировать, что на смену былой эйфории пришло глубокое разочарование в либеральной идее, более того, появилось сомнение в способности россиян к свободе, дело доходит до утверждения о несовместимости России и свободы.

Но, говоря о либерализме, необходимо уяснить, о чем идет речь, в чем смысл либеральных ценностей, ибо зачастую под либерализмом понимают нечто другое, являющееся только частью, элементом подлинного либерализма (либо вообще никакого отношения к нему не имеющее). В результате неправильного понимания сущности и содержания либеральной концепции возникают некоторые проблемы. Это непонимание может привести и приводит на практике к попыткам реализации не соответствующих истинному содержанию либерализма принципов и идей.

Кроме того, у россиян слово «либерализм» все чаще ассоциируется с чем-то негативным, чему в немалой степени способствуют средства массовой информации. Анализ прессы позволяет сделать вывод о том, что слово «либерал» стремительно превращается в достаточно обидное ругательство, а «либерализм» отождествляется, прежде всего, с незрелыми и дикими формами рыночной экономики. Происходит явная подмена понятия либеральной идеи идеей рыночной экономики (которая является лишь частью первой) и так называемым периодом первоначального накопления капитала. Такой «либерализм», чтобы предотвратить смысловую путаницу, многие уже называли «псевдолиберализмом». Учитывая некритичность подавляющего большинства российских граждан к опусам представителей «четвертой власти», можно

сделать вывод, что роль либерализма в жизни личности и общества явно недооценивается.

В России в 90-е гг. XX в. перестройка и либерализация совпали с появлением несанкционированных режимом групп и организаций – инициативных, самодеятельных. В литературе этот процесс рассматривается как граждански ориентированный. Организации и движения постепенно расширили свои задачи до собственно политических проблем, эксплицировав тем самым внутренне присущий неформальному движению мощный политически-оппозиционный заряд. Возникновение «народных фронтов» и аналогичных им массовых организаций в советских республиках и выборы их представителей в органы местной и республиканской власти ознаменовало переход неформально-самодеятельного движения в новое качество – борющиеся за власть политические организации.

Противостояние неконформизму оппозиционности, который несли в себе неформальные движения, так же, как и массовое демократическое движение и забастовочное движение рабочих, было использовано новыми политическими лидерами, формируемыми политическими элитами в их собственной политической борьбе – борьбе за власть. Эта энергия резко пошла на убыль, как только сами лидеры этих движений оказались или у власти, или приобщенными к новой власти, или связанными с ней. Либерализация обеспечила освобождение личности от государства, от государственной идеологии, но так и не привела к формированию сознательного и ответственного гражданства. Таковой оказалась логика избавления от правления КПСС. Ослабление всевластия государства и государственного произвола непременно чревато в таком случае ослаблением власти как таковой. Более того, инерция деэтактизирующей «либерализации» оказалась столь сильной, что Россия едва удержалась на краю «освобождения» от государственности вообще.

Именно отсутствием правовых гарантий любой, не противоречащей закону частной активности, обусловлена неразвитость гражданского духа в обществе. Люди не озабочены отстаиванием своих прав, поскольку не сформировались их гражданские интересы, но они не могут определиться в своих гражданских интересах, поскольку в аморфном

состоянии находится та правовая среда, в рамках которой эти интересы только и могут быть представлены, реализованы и легитимным образом защищены – от насильственных и необоснованных притязаний других граждан, от покушений со стороны государства.

Правомерно считать демократическое общество правозаконным. А. Токвиль полагает, что в правозаконном обществе каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей [1]. Эта точка зрения основывается на том, что общество создает такие правовые условия деятельности человека, чтобы, преследуя собственные интересы, он не мог ущемлять ни интересов другого человека, ни того локального (местного) сообщества, в котором он живет или работает, ни общества в целом. Должна быть создана система ограничений (выраженных в разного рода обязанностях, запретах, полномочиях), обеспечивающих общественную дисциплину и, следовательно, определенный минимальный уровень социальной гармонии.

Кроме того, проблема построения правового государства со всей остротой ставит вопрос о децентрализации государственной власти, о недопустимости монополизма в функционировании государственных органов. Это непосредственно связано с реализацией принципа разделения властей и ориентировано на идею реализации прав и свобод гражданина. Разделение властей – один из основных принципов политической организации общества, закрепленный в конституционном законодательстве всех современных государств либеральной демократии. Основной смысл данной концепции состоит в предотвращении или сведении до минимума возможности злоупотребления властью путем ее сосредоточения в одних руках. Средством для этого служит установление в государстве такого соотношения различных властей, при котором они могли бы сдерживать друг друга, не допуская перевеса одной из них. Данная система сдержек и противовесов предполагает четкое правовое определение компетенций и функций трех основных видов власти – законодательной, исполнительной и судебной, характера их отношений с обществом и между собой.

Решая проблему соотношения и взаимодействия государства и права в переходный период, нельзя обойти проблему организационно-правовых форм этого соотношения и взаимодействия. Дело в том, что реализация идеи правовой государственности невозможна вне помощи субъектам права – права и свободы нуждаются в реализации. Реализация прав и свобод осуществляется посредством правового и законодательного оформления. Это входит в обязанности структур государственной власти. Сложилась, однако, парадоксальная ситуация, в которой человек оказался зависимым от государства. Государство же лишено отношения зависимости от человека. Что касается административного законодательства, именно этот статус дает возможность таким структурам государства, как законодательные и исполнительные, не замечать человека, поднимающего вопрос о своих правах.

Новые подходы к доктрине правового государства в России нерасторжимо связаны с проблемами национального строительства, с новым определением гражданской нации как официальной и правовой категории. Сложилась такая ситуация: все постсоветские государства заняты вопросами нацестроительства, поскольку процесс конструирования гражданской нации в России далек от завершения. В этой связи В.А. Тишков, обращаясь к вопросам перспектив нацестроительства в условиях, когда Советский Союз распался под лозунгом национального самоопределения, пишет: «Государства делаются прежде всего территориями и гражданством, а также конституционно-правовой системой. Но когда имеется ситуация вновь образующихся или радикально трансформирующихся государств, роль того, что один из специалистов назвал «господствующей идеей государства», особенно в отношении его территориальной и гражданской общности, является не менее важной. Только разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую легитимизацию и делают государство жизнеспособным. Верхушечные договоренности, декларации властей и даже международное признание не являются достаточными для создания согражданства, т.е. государства-нации» [2, с. 4].

В современном цивилизованном обще-

стве практически всеми уже признано, что федеративная форма государственного устройства обладает свойствами, которые способствуют развитию демократии, прав и свобод человека и гражданина.

Именно поэтому во всем мире не только возрастает число федераций, но и отдельные черты федеральной формы государственного устройства воспринимаются рядом унитарных государств.

При исследовании государствоведческого аспекта федерализма особого внимания заслуживает рассмотрение и оценка его положительных сторон, а также преимуществ федеративного государства в сравнении с унитарным государством.

Один из наиболее известных современных западных политологов, профессор Женевского университета Д. Сиджански, заметил, что «федерализм — наше будущее». «Преимущества федералистского подхода заключаются и в его глобальном и политическом характере: с одной стороны, это автономия и равное участие, на которых основывается двойное представительство государств или регионов и граждан, с другой же — разделение полномочий по принципу взаимодополняемости» [3, с. 20, 23].

Безусловно, наиболее весомым аргументом в пользу развития федерализма является то, что использование федеративной формы облегчает становление демократии, которая неразрывно связана с всеобщим признанием необходимости и даже неизбежности дальнейшего расширения прав и свобод человека и гражданина. Федерация как структура, созданная однопорядковыми в смысле их равноправия образованиями, более чем унитарное государство, способна противостоять тоталитаристским тенденциям, нередко свойственным органам центральной власти любого государства. Унитарное государство лишено таких противовесов центру, какие имеет федерация в лице ее составных частей. При этом также нужно учитывать, что в федеративном государстве органы, имеющие право принимать решения и издавать законодательные акты, как правило, больше зависят от воли населения, чем соответствующие органы унитарного государства, поскольку они действуют не только в центре, но и в каждом субъекте федерации.

Противостоянию тоталитаристским тенденциям в федерации способствует и то, что федеративное устройство государства обычно не предполагает единообразия внутренней организации его частей. Субъекты федерации вправе сохранить свои исторические и национальные особенности. Искусственное стремление ликвидировать многообразие форм субъектов федерации неизбежно приводит к искажению содержательной стороны федерализма, нарушению права населения на сохранение своей самобытности, права самостоятельно определять условия своего развития и права самоопределения в пределах, четко установленных основополагающим документом федерации и не подлежащих одностороннему изменению центральной властью. Нарушение центральными органами права народа субъекта федерации на самоопределение является шагом к превращению ее в унитарное государство.

В соответствии с концепцией естественного права, взятой на вооружение либеральными идеологами, основные (конституционные) права человека являются врожденными, данными каждому от природы. Но за естественными правами стоят ценности, по-разному понимаемые в различные периоды человеческой истории. Нельзя сказать, что одни и те же естественные права вечны и неизменны. То, что мы понимаем под правом на жизнь, не было социальной ценностью в условиях, когда применялась кровная месть (убийство в порядке мести не преследовалось, а, наоборот, поощрялось). В условиях первобытного общества вряд ли существовали такие ценности, как честь и достоинство личности. Право собственности появилось лишь после отчуждения и распределения материальных ценностей. Идеи равенства и братства не имели почвы при рабовладельческом строе и феодализме. Как видим, содержание естественных прав менялось от эпохи к эпохе. Для каждой эпохи характерны свои специфические стандарты правового поведения, свои охраняемые законом ценности. Они будут видоизменяться и в будущем. Школа естественного права охватила и зафиксировала определенный этап в развитии человечества. Сформулированные ею естественные права были когда-то противоестественными и могут стать таковыми в отдаленном будущем.

ленным будущем. Но в настоящее время – это эталоны поведения, признаваемые цивилизованным сообществом независимо от государственных границ. Их стандартизации и внедрению служат международные акты о правах человека, с помощью которых происходит как бы правовое «выравнивание» стран, находящихся на разных этапах социально-политического и правового развития.

Возникновение многих социальных, политических, гражданских прав у конкретной личности происходит не в момент рождения, а при появлении указанных в законе юридических фактов. Например, политические права (участие в референдумах, выборах, митингах, демонстрациях, общественных объединениях, управлении государством), права на свободное использование своих возможностей для предпринимательской и другой деятельности, на социальное обеспечение по возрасту, на образование, свобода творчества, право на защиту от уголовного обвинения и другие в потенции принадлежат любому человеку, но реально он приобретает то или иное из указанных прав и свобод с наступлением определенного возраста или при появлении какого-либо другого юридического факта.

Нуждается в пояснениях и идея неотчуждаемости естественных прав. Они неотчуждаемы в том смысле, что, поскольку государство не подарило эти права своим гражданам, оно не может их взять обратно. Но государство вправе ограничить то или иное право человека в конкретном правоотношении, если это допускается конституцией и основанным на ней законодательством. Право на жизнь отрицается смертным приговором в странах, где еще не отменена смертная казнь. Право на неприкосновенность личности и частной жизни может быть ограничено на законных основаниях при производстве задержаний, арестов, обысков, прослушивании телефонных и иных переговоров и т.д. По общему правилу это возможно только по судебному решению.

Социально-правовая ценность личности – аксиома современного права. Как любая аксиома, она не требует особых доказательств, достаточно того, что в отношении этой идеи существует общественный консенсус. Вместе с тем это не снимает с повестки дня придание современному праву большего

человеческого измерения.

Если исходить из либерального принципа первичности человека, его интересов и потребностей, то этот подход должен определить и статус российского законодательства. Права и свободы изначально присущи человеку, а посему право, прежде всего, конституционное, должно быть направлено на такую деятельность государственной власти, которая обеспечила бы в полной мере реализацию свобод и прав личности. Конституционное право должно играть регулирующую роль в организации направлений деятельности государственной власти, в том числе в условиях гражданского общества необходимо определить правовые границы полномочий государственной власти. Именно конституционное право в условиях правового государства должно взять на себя функцию правового регулирования защиты прав личности и ее свобод.

Большую роль в разрушении сложившихся традиций, утрате современным российским обществом традиционных духовных ориентиров сыграло, на наш взгляд, именно неадекватное понимание вопроса о соотношении индивидуального и коллективного, воспринятое от западных либеральных учений.

Утрата фундаментальных ценностей русской культуры и искаженное понимание западного либерализма вызвали непредсказуемые последствия, прежде всего в сознании россиян. Идея единства в многообразии под влиянием официальной марксистской доктрины в начале XX в. полностью лишилась индивидуалистического начала. Международные пакты и декларации способствуют тому, чтобы принцип «человек – цель, а не средство» стал достоянием национального законодательства. Однако история и современность изобилуют примерами отрицания этого принципа, которое основано на утверждении, что общественный, общенациональный интерес важнее личного. Это основа марксистско-ленинской идеологии, в рамках которой человек рассматривается как средство достижения общественно важных целей и от него требуются жертвы во имя светлого будущего. Эта идеология проповедует дух коллективизма – в противоположность «буржуазному индивидуализму», якобы разъедающему и расчленяющему общество. Для кол-

лективизма характерны: отказ человека от своих прав ради общественных интересов, готовность к самопожертвованию, дисциплина и иерархия в системе власти, игнорирование мнения меньшинства и преследование носителей этого мнения, сведение роли человека к функции «винтика» в механизме социального управления, нивелирование личностей путем их подчинения единым стандартам, создание нового – «социалистического» – человека, не способного возражать властям и господствующей идеологии, строгая и мелочная регламентация всех сторон общественной и личной жизни, гипертрофированный социальный контроль и бюрократизация государственного аппарата.

Это явление в определенной мере сохраняется и в современной России. После распада СССР сознание россиян захлестнул неправильно понятый индивидуализм, проявляющий себя в крайне нецивилизованных, эгоцентричных формах. Результатом такого ментального мутагенеза стала социальная дисгармония, жертвой которой является в первую очередь человек. С одной стороны, общество зачастую игнорирует интересы отдельных лиц, считая интересы большинства высшей ценностью и даже не пытаясь при этом найти хоть какой-нибудь компромисс. С другой стороны, отдельные индивиды при достижении своих целей пренебрегают правами и законными интересами сограждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994.
2. Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нации-строительства) // Вопросы философии, 1995, №2.
3. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы. От Европейского Сообщества до Европейского Союза. – М., 1998.